

EDN: DRAULG
УДК 72.036

The Transformation of Architectural Styles in Soviet Art 1917–1922

Natalya N. Pimenova*, Ekaterina A. Sertakova
and Anna A. Shpak

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 16.02.2023, received in revised form 28.02.2023, accepted 10.03.2023

Abstract. The article is devoted to changes in the architecture of the first five-year plan of Soviet Russia, 1917–1922. This is a time of global reorganization of society and lifestyle, fundamental changes in socio-political views, the transmission of new values and ideals by the forces of art. Urban planning and architecture were among the first to be in the field of transformation, since the issue of building a new world directly concerned the architectural form and urban planning. Architecture is a symbolic embodiment of this new world and society. The principles of socialist construction included the features of the organization of urban life, the space of the city. The article considers the projects of A. V. Shchusev (“New Moscow”, 1918–1923) and S. S. Shestakova (“Greater Moscow”, 1921–1925). As a representative type of a new public building, the “palace” is considered as the center of the cultural, social and political life of the working people. The article fixes the leading position of constructivism as an emerging architectural tradition, and the main content is the analysis of the project “Monument to the III International” by V. E. Tatlin as an image-symbol of the new system and the general movement in building communism.

Keywords: soviet art, avant-garde, paper architecture, constructivism, 1917–1922, «Monument to the III International», V. E. Tatlin.

The study was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 23-28-00255, <https://rscf.ru/project/23-28-00255/>

Research area: theory and history of culture, art.

Citation: Pimenova N. N., Sertakova E. A., Shpak A. A. The Transformation of Architectural Styles in Soviet Art 1917–1922. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(4), 566–579. EDN: DRAULG

Трансформация архитектурных стилей в советском искусстве 1917–1922 гг.

Н.Н. Пименова, Е.А. Сертакова, А.А. Шпак

*Сибирский федеральный университет
Красноярск, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена изменениям в архитектуре первой пятилетки Советской России – 1917–1922 годов. Это время глобальной реорганизации общества и образа жизни, кардинальных изменений в общественно-политических взглядах, трансляции новых ценностей и идеалов силами искусства. Градостроительство и архитектура одними из первых оказались в поле преобразований, поскольку вопрос строительства нового мира напрямую касался архитектурной формы и городского планирования. Архитектура выступает символическим воплощением этого нового мира и общества. Принципы социалистического строительства включали в себя особенности организации городской жизни, пространства города. В статье рассмотрены проекты А. В. Щусева («Новая Москва», 1918–1923 гг.) и С. С. Шестакова («Большая Москва», 1921–1925 гг.). В качестве репрезентативного типа нового общественного сооружения рассмотрен «дворец» как средоточие культурной, общественной и политической жизни трудящихся. Статья фиксирует ведущее положение конструктивизма как появившейся архитектурной традиции, и основным содержанием выступает анализ проекта «Памятника III Интернационалу» В. Е. Татлина как образа-символа нового строя и общего движения в построении коммунизма.

Ключевые слова: советское искусство, авангард, бумажная архитектура, конструктивизм, 1917–1922 гг., «Памятник III Интернационалу», В. Е. Татлин.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00255, <https://rscf.ru/project/23-28-00255/>

Научная специальность: 5.10.1 – теория и история культуры, искусства.

Цитирование: Пименова Н. Н., Сертакова Е. А., Шпак А. А. Трансформация архитектурных стилей в советском искусстве 1917–1922 гг. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(4), 566–579. EDN: DRAULG

Введение

Актуальность. Сфера культуры и искусства в период событий Революции в России и по ее окончании очень сильно реагировала на изменения в государстве и обществе, во многом поддерживая обновление системы как необходимого элемента в движении к прогрессивному будущему. Положение градостроительства и архитектуры претерпело значительные преобразования. Ведь на повестке стоял вопрос строительства «нового» мира, и архитектура должна

была стать его символическим воплощением в материальных формах. Так, архитектор Г. К. Космачевский писал: «Для нас, зодчих, настал великий час – принять деятельное участие в строительстве новой жизни <...>. Оздоровим города и села, дадим нашему народу удобные и красивые жилища; создадим ему достойное и величественное здание парламента, построим храмы правосудия, науки и искусства» (Kazus, 2022: 25). Планы были великие и воодушевляющие, хоть и трудновыполнимые, ибо для финансиру-

ния подобных проектов требовались очень большие ресурсы и затраты.

Несмотря на все очевидные сложности, новый взгляд на город и архитектуру в данный период времени осуществляется не только на бумаге, но и в реализации архитектурных проектов – современных и передовых во всех отношениях. Данный период был недолгим и достаточно быстро сменился сталинской архитектурой (социалистическим классицизмом), однако и сегодня произведения архитектуры периода 1917–1920-х гг. не теряют своей значимости и выступают вдохновением для ряда современных архитектурных стилей и решений, опирающихся на простоту, функциональность, при этом четко зафиксированные в материале и форме культурные ценности современного общества.

Цель настоящей статьи – выявить особенности архитектуры в СССР в 1917–1920-х гг. и на материале анализа сооружений-репрезентантов зафиксировать изменение архитектурных стилей в данный период.

Методологическими основаниями для написания научной статьи выступили:

1. Концептуальные положения современной теории искусства В.И. Жуковско-го и Н.П. Копцевой (Zhukovskiy, Koptseva, 2004), неоднократно доказавшие свою продуктивность в исследовании памятников искусства разных периодов истории культуры (Semenova, Soshenko, 2011; Novaya art-kritika na beregakh Yeniseya, 2015; Koptseva, Sitnikova, 2019; Leshchinskaya, 2021; Avdeeva, Degtyarenko, Kolesnik, 2020; Sitnikova, 2020; Sitnikova, Li, 2022, Koptseva, 2022). В философско-искусствоведческом анализе, предложенном данными авторами, главное внимание исследователя сосредоточено на выявлении образной составляющей произведения (художественного образа, который выкристаллизовывается в процессе диалога зрителя и художественного творения). Обращение к памятникам-репрезентантам, с опорой на данную теорию, позволяет выявить то, как через них меняются образные представления о мироустройстве, обществе и человеке, фиксирующие их художественные стили.

2. Концепция конструирования, производства и воспроизводства городского пространства А. Лефевра (Lefebvre, 1991). Обращаясь прежде всего к рассмотрению городского пространства, ученый обращает внимание на его важные социокультурные характеристики: конструктивную природу, образность и символичность. Они, по его мнению, наиболее ярко проявлены в материальных репрезентантах города – архитектурных сооружениях, и отражают в них смысловую наполненность пространства. Данная концепция представляется весьма подходящей и рабочей в данном исследовании, поскольку авангард в архитектуре был нацелен именно на изменение смыслов.

Обзор исследовательской литературы

Появление интереса к архитектурному наследию советского авангарда в исследовательской литературе связано с 1960-ми годами. В советское время, правда, он скорее сводился к его изучению с исторической точки зрения, то есть к тому, как формировалась советская архитектура в определенное десятилетие XX столетия. Советский опыт изучения архитектуры данного периода зафиксирован в ряде изданий энциклопедического характера (Istoriya sovetskoy arkhitektury. 1917–1954, 1985; Bunin, 1979). Часто в них архитектура рассматривалась в сравнении с архитектурой имперских времен (Leshchinskaya, Sitnikova, Sertakova, Koptseva, 2022). В постсоветской России наблюдается рост публикаций по данному периоду. Помимо историографических работ (Astaf'yeva, 1990; Rekun, 2017; Mulenok, 2021; Badzgaradze, Kozhina, 2022) появляются исследования региональной архитектуры конструктивизма (Lemytskaya, 2012), рассмотрение главных памятников становится многоаспектным. Так, бумажные проекты и построенные сооружения начинают рассматриваться с точки зрения семиотики, психоанализа и постструктурализма, изучается их роль в формировании социокультурного портрета эпохи и общественно-политической жизни общества, выявляются их вариации и «реинкарнации» в другие десятилетия СССР и в со-

временной архитектуре (Karpova, 2014). Наследие конструктивизма стало объектом изучения для искусствоведов, антропологов, социологов, историков архитектуры, дизайна и кино.

Предысторию создания новаторской конструктивистской архитектуры из новых задач эпохи рассматривает М. Комский (Komskiy, 2019), К. Н. Гацунаев. Последний выявляет ряд предпосылок, которые оказали важнейшее воздействие на формирование новых форм: технико-технологические, социально-экономические, организационно-технические, эстетические, идейно-политические (Gatsunayev, 2018: 153).

Специфику архитектуры 1917–1920 гг. с точки зрения материала, формы и композиции рассматривают практически все исследователи, работающие с данной темой.

«Бумажная архитектура» или нереализованные проекты становятся предметом изучения М. С. Ильченко. Автор рассматривает проекты с точки зрения мифологизированного феномена как «символической» категории «несостоявшегося будущего» (Ishchenko, 2017). Данная позиция близка исследователю Л. Л. Корна (Korna, 2013).

Исследования творчества советских архитекторов-авангардистов (В. Татлина, К. Мельникова, А. Щусева и др.) и их роли в становлении нового облика страны даны в работах Д. Димакова, Е. Г. Лапшиной, И. Н. Агишевой, Е. В. Покка (Dimakov, Lapshina, 2005; Lapshina, 2010; Agisheva, Pokka, 2017) и др.

Влияние памятников конструктивизма на современную архитектуру рассматривают Г. И. Быкова, Е. А. Гнатюк, А. А. Виноградова. Проводя сравнительный анализ памятников разных эпох, они выявляют между ними наследственную связь в формообразующих и композиционных концепциях на смысловом уровне, отмечая, что «повторное открытие авангарда в 1960–1970-е гг. среди мастодонтов архитектуры стало переломным моментом в развитии архитектуры и дизайна XX и XXI веков» (Bykova, Gnatyuk, Vinogradova, 2018: 119). Влияние советского авангарда на современную дигитальную архитектуру фикси-

рует также О. В. Орельская. Она отмечает, что современные компьютерные технологии способны смоделировать «фантастические» проекты авангардистов, а архитекторы все чаще обращаются к прообразам столетней давности (Orel'skaya, 2016: 51). Исследователь Е. С. Жданов отметил влияние авангарда на новейшую архитектуру в градостроительстве, формообразовании и стилеобразовании, выявив и систематизировав ключевые идеи данных периодов (Zhdanov, 2017). Потенциал нереализованных «бумажных проектов» советских конструктивистов для современного дизайна рассматривает М. В. Галкина (Galkina, 2019).

В целом стоит отметить значительный опыт исследования советского архитектурного авангарда. Однако, как отмечают многие авторы, роль данного периода настолько высока для всей последующей архитектуры и прежде всего современной, что не остается сомнений в важности продолжения работы по анализу памятников, сбору и систематизации информации об авангарде, изучению этапов трансформации стилей в нем.

Исследование

Политическое и социальное переустройство страны, начавшееся в 1917 г., и последовавшее за революцией выдвижение новых культурных идеалов, а также задачи приобщения к ним граждан нового государства – все это потребовало новых средств воплощения и утверждения идей, средств трансляции новых ценностей и овеществления строящегося нового мира. Конструктивизм создается именно как соответствующее новым задачам и тщательно отделенное от предшествующих традиций направление в деле создания архитектурной среды как пространства социальной жизни граждан Советской России.

Для нового социалистического строительства не только не подходили старые архитектурные формы, но должны были появиться и новые принципы организации городской жизни, что отразилось на общей специфике организации город-

ского пространства. Реконструкция городов происходила в соответствии с новыми государственными задачами. Несколько генеральных планов перестройки города Москвы в это время были созданы коллективами под руководством А.В. Щусева и С.С. Шестакова. Разработка новых планов города позволила создать базовые принципы советского градостроительства, такие как: расчет территории города в перспективе на 20 лет; разделение города на основные функционально обозначенные районы, например, промышленные, жилые, административные; создание особых парковых пространств, организующих человека в рамках новой социалистической идеологии.

Проект А.В. Щусева «Новая Москва» 1918–1923 гг. предполагал в основном расширение территории города и новые конструктивные решения, сохранение исторического центра, упор на зонирование и большое количество парковых пространств, радиальное расположение новых зон (Shchusev, 1923). Проект С.С. Шестакова «Большая Москва» разрабатывался с 1921 г., но был окончательно оформлен в 1925 г. и изменялся вплоть до 1930-х гг., он учитывал: строительство новых районов, образующих пять специализированных зон и четыре сектора; исключение сплошной застройки; разработку транспортной системы с опорой на метрополитен (Aleshchenko, 1975). Разные планы по организации города Москвы имели опережающий советское время характер, четкость в зонировании и разделение разных рабочих по группам и их принадлежности к определенной профессиональной сфере.

Одной из ключевых составляющих архитектурной практики, подвергшейся кардинальному переустройству, было проектирование и строительство общественных сооружений. Ведь новая административная система и масштабные перемены в образе жизни требовали в том числе создания новых типов сооружений. Обеспечить активную и высококультурную общественную жизнь представителям главенствующего рабочего класса должны были комплексные

общественные здания. Характерными для первых лет Советской власти стали Дворцы труда, Дворцы рабочих, Дворцы народов и т.д. Наименование «дворцы», с одной стороны, закрепилось вследствие того, что именно в национализированных дворцах и особняках были впервые организованы такие центры общественной жизни. Тем не менее в первую очередь это был символ новой власти и утверждения пролетариата в качестве господствующего класса, воплощение проекта светлого будущего и создание памятников свершившейся революции. Важно было найти форму сосредоточения политической и культурной жизни в едином пространстве: «Архитектура новых общественных зданий как бы пространственно оформляла реальный революционный быт тех героических лет, создавала среду для активной деятельности революционных масс. Человек воспринимался в окружении коллектива и в движении – шествующий, митингующий, марширующий в колоннах» (Bylinkin, 1975). В рассматриваемый период осуществляется закладка Дворца народов в Москве (1918 г.), разрабатывается проект Памятника III Интернационалу (1919–1920 гг.), проводятся конкурсы на проект Дворца труда в Москве (1922–1923 гг.). Дворец труда в Москве также задумывался как символ нового советского общества. Конкурс на его проект был объявлен в конце 1922 г., проект предполагал размещение целого комплекса помещений различного назначения. Среди них: масштабный зал на 8000 человек; малые залы для собраний, лекций, концертов, спектаклей, кинопоказов и т.д. вместимостью 300, 500 и 1000 человек; музей социальных знаний; залы заседаний и кабинеты Моссовета и Московского комитета партии; столовая на 1500 мест. На конкурс было подано 47 проектов, среди них проекты Н. А. Троцкого (первая премия в конкурсе), К. С. Мельникова, братьев Весниных (А. А. Веснин, Л. А. Веснин, В. А. Веснин – третье место в конкурсе), А. Е. Белогруда, М. Я. Гинзбурга и других. Несмотря на то что этот проект так и остался неосуществленным, конкурс повлиял на формирование нового

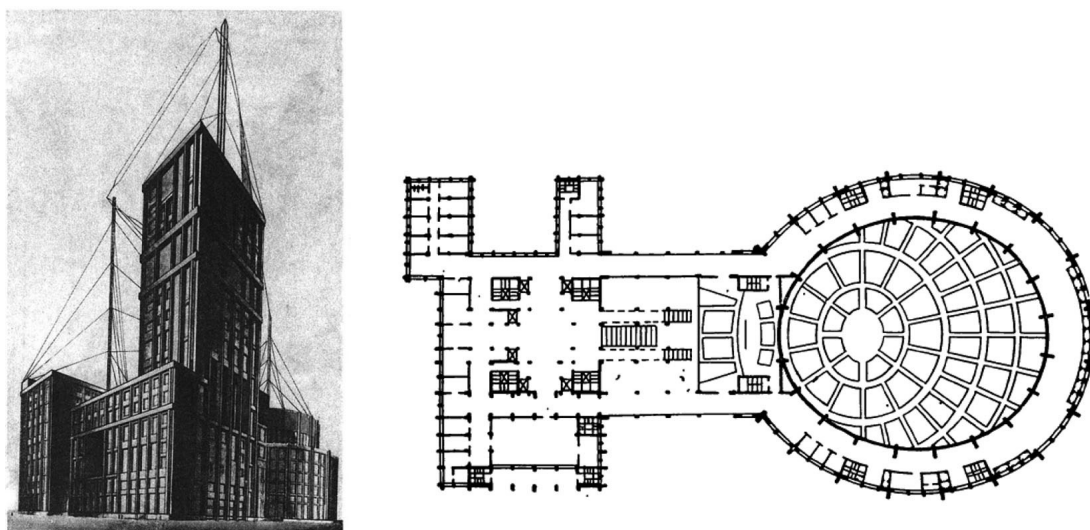

Рис. 1. Проект Дворца труда в Москве. 1922–1923 гг., архитекторы братья Веснины.
Перспектива, план

Fig. 1. The project of the Palace of Labor in Moscow. 1922–1923, architects the Vesnin brothers.
Perspective, plan

(Фото / Photo: The Palace of Labor in Moscow – wikipedia.org)

зодчества: как специфики понимания этого нового типа общественного сооружения, так и нового стилового направления, ведь считается, что именно в проекте братьев Весниных конструктивизм был проявлен отчетливо как самостоятельный архитектурный феномен (рис. 1).

В результате этой активной работы в первые годы Советской власти чуть позже рассматриваемого периода, а именно – ближе к середине 1920-х гг., были созданы два первых объединения советских архитекторов. АСНОВА, Ассоциация новых архитекторов, образованная в 1923 г., и вошедшие в нее Н. А. Ладовский, В. Ф. Кринский, А. М. Рухлядев, а также К. С. Мельников, входивший как независимый архитектор, и другие зодчие выступали за создание «рациональной» архитектуры. ОСА, Объединение современных архитекторов, образовано в 1925 г., стало очагом развития конструктивизма и «функционального метода» в русле творивших в составе этого объединения братьев Весниных, М. Я. Гинзбурга и других мастеров. Архитектурный облик России начала 1920-х гг. создан творчески-

ми усилиями рационалистов и конструктивистов. При этом рационализм остался менее известен, и проекты конструктивизма реализованы гораздо шире, чем рационалистские. Конструктивизм можно назвать репрезентантом архитектурных поисков первого времени Советской власти.

Крупнейшими и наиболее характерными произведениями конструктивизма являются изобретенные новыми архитекторами здания новых типов – дома-коммуны, фабрики-кухни, дворцы культуры, клубы. И эти новые типы сооружений с их специализированным функционалом в середине 1920-х гг. приобрели большую популярность, проекты активно поддерживались. Например, первая в СССР фабрика-кухня была возведена в г. Иваново в 1925 г., и успех ее открытия обернулся массовым движением в поддержку создания фабрик-кухонь в других городах Советской России, а также привел к разработке образцового проекта фабрики-кухни, в интерьере которого главенствовал принцип функционального зонирования (Samogorov, 2012). Главная идея фабрики-кухни, по словам

автора проекта в Самаре Екатерины Максимовой, состояла в том, что она «должна стать ключевым элементом в теории социального урегулирования, освободить женщину от скучных домашних обязанностей и дать возможность полноценной жизни и самовыражения наравне с мужчинами» (Samogov, 2012). Все это примеры уже сложившегося конструктивизма конца 1920-х и рубежа 1920-х-1930-х гг. (тогда в 1932 г. единый Союз советских архитекторов официально пришел на смену творческим объединениям зодчих). Тем не менее начало этому расцвету конструктивизма было положено демократизацией архитектурной мысли, ее освобождением от исторических форм, ориентацией на функцию и совмещение множества назначений с применением принципа зонирования, опорой на новые общественно-политические идеи.

Философско-искусствоведческий анализ произведения стиля «конструктивизм»

В качестве репрезентативного произведения конструктивизма выбран «Памятник III Интернационалу» Владимира Евграфовича Татлина. Различные исследователи анализируют проект «Памятника III Интернационалу» в качестве произведения архитектуры, учитывая культурологический, социологический и политический аспекты, специфику динамической архитектуры, с позиции изучения истории русского дизайна, а также в качестве синтеза научных и художественных идей. Такие исследователи, как А. Г. Раппапорт, А. А. Стригалева, Н. Н. Пунин, А. М. Родченко, рассматривают проект «Памятника III Интернационалу» с позиции эксперимента и поиска оригинального решения, вмещающего новые концепты и революционные смыслы (Skhejen, 2019). Исследователи являются современниками В. Е. Татлина, что содержит и некоторые оценочные суждения относительно данного проекта в рамках переходного времени. А. Н. Григорьева рассматривает проект «Памятника III Интернационалу» в качестве символа революции и с точки зрения отражения идей геометрии Н. И. Лобачевского (Grigor'eva, 2019). Выде-

ляется утопичность проекта, так как основой было содержание символа нового миропорядка, а технические возможности для построения такого высокого сооружения, тем более с заданными характеристиками вращения всего здания, не представлялись возможными. С позиции динамической архитектурной формы данный проект памятника рассматривает и Е. Г. Лапшина (Lapshina, 2015). Указываются внешние факторы формирования такой архитектуры: научные достижения, политическая обстановка, потребности человека определенного времени. Анализом проекта в качестве произведения занимались в основном следующие исследователи: А. А. Стригалева (Strigalyov, 1993), Е. В. Ковтун (Kovtun, 1996), А. Н. Лаврентьев (Lavrent'ev, 2007).

Создание проекта «Памятника III Интернационалу» начинается с момента, когда В. Е. Татлину было поручено разработать архитектурный памятник, посвященный Октябрьской революции, Отделом изобразительных искусств Народного комиссариата по просвещению (Lapshina, 2015). Позднее к художнику присоединились И. А. Мерзон, М. П. Виноградов и Т. М. Шапиро (Punin, 1920).

В проекте «Памятника III Интернационалу» значительно прослеживается авторская манера В. Е. Татлина как художника, например, его произведения, связанные с рельефами и угловыми контррельефами, целью которых было изменение и дематериализация окружающего пространства (рис. 2–3).

Важным принципом конструктивизма в архитектуре является утилитарное значение наряду с символическим. Создание проекта «Памятника III Интернационалу» опирается на политическое объединение коммунистических партий из разных стран, что собственно и отсылает к понятию «интернационал».

Изначально В. Е. Татлин задумывал создать архитектурное произведение 400 метров в высоту. Сопоставление проекта с Эйфелевой башней (300 м) небезосновательно, так как такое масштабное политическое объединение в мире требовало новых архи-

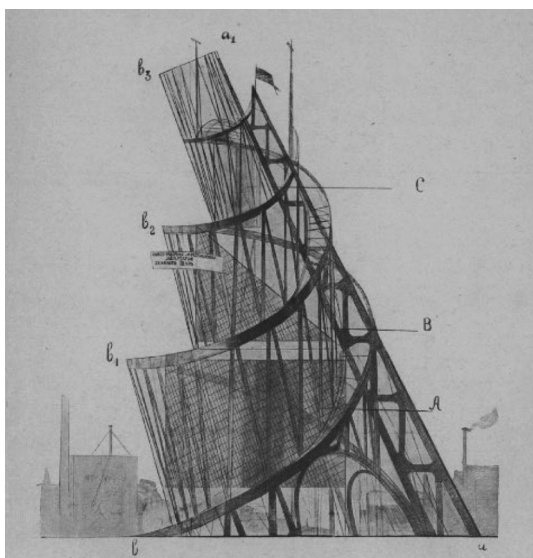

Рис. 2. Проект «Памятника III Интернационалу» В. Е. Татлина из обзора Н. Н. Пунина

Fig. 2. The project "Monument to the III International" by V.E. Tatlin from the review by N.N. Punin
(Фото / Photo: <http://tehne.com/event/koncepty/pamyatnik-iii-internacionala-proekt-v-e-tatlina-1920>)

тектурных идеалов, превосходящих по масштабу предыдущие произведения. Демонстрация достижений в науке и технике также не может не отразиться на произведениях архитектуры, хотя технические особенности анализируемого архитектурного произведения превосходили возможности времени начала XX века. Н. Н. Пунин выделяет следующие основные архитектурные элементы: три больших стеклянных помещения, возведенных по системе вертикального стержня и спирали, одно над другим и механизмы, движущие эти помещения относительно вертикального расположения стержня (Punin, 1920).

Последовательно в рассмотрении снизу вверх помещения имеют кубический, пирамидальный и цилиндрический объемы. Указывается, что каждому объему соответствуют собственные цели: законодательные, исполнительные, осведомительные центры (СМИ). Можно отметить, что, по аналогии разделения властей, судебная не включена

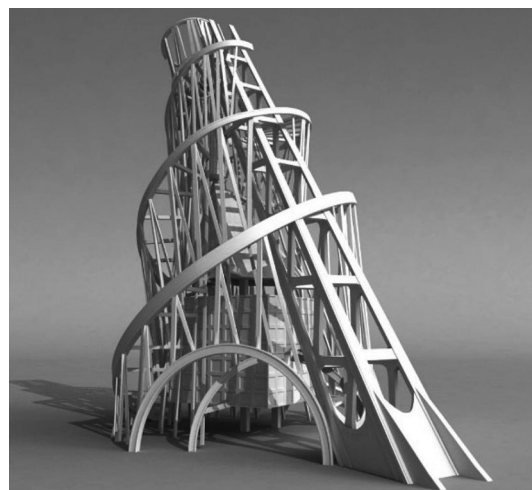

Рис. 3. Модель, построенная с применением современных методов визуализации

Fig. 3. A model constructed using modern visualization methods
(Фото / Photo: <https://architectu-reguru.ru/tatlin-tower/>)

в основания строительства нового государства. Выбор форм основан на устойчивости, основная фигура куб содержит в себе две другие. Стоит отметить и механизмы, вращающие данные объемы с разной периодичностью – куб делает полный оборот за год, пирамида за месяц, а цилиндр за день. Спиралевидная форма с центральной осью указывает на динамику, а железная конструкция подчеркивает ее. Наклон главной вертикали соответствует наклону земли в 23 градуса (Lavrent'ev, 2007). Динамика форм рассчитана таким образом, что оси и спирали за счет внутреннего движения также изменяют свою форму за указанные ранее промежутки времени. Динамичность форм памятника и появление в ходе вращения большого количества футуристических образов раскрывают то, как проект визуализирует стремление людей новой эпохи в будущее. Через опору на физические законы Вселенной памятник демонстрирует объединение не только на земле, но и в космосе. А также визуализирует значимость знания объективного открытого наукой закона и соответствия социального устройства этим закономерностям.

Большой объем здания и его металлическая конструкция в совокупности направлены на взаимодействие с как можно большим количеством людей. Это проект памятника архитектуры международного масштаба, поэтому должен соответствовать и своему утилитарному назначению. Подчеркнутая линейность форм говорит о месте для каждого отдельно взятого человека, его ценности и важности для строительства совместного общества, основанного на социалистических идеалах. Материалы, планируемые к использованию – железо, стекло, сталь, отсылают к периоду индустриализации (Pilyugajceva, 2018). Контраст тяжеловесных форм конструкции и прозрачных объемов внутри позволяет говорить об устойчивости и одновременно прозрачности новых социалистических символов и идеалов, нового общественного устройства.

Конусовидная форма памятника в сочетании со спиралевидными формами указывает на преемственность древних традиций, а именно использует образ строительства Вавилонской башни, но в данном случае речь идет об обратном процессе – объединении людей вновь. Памятник символически выступает как форма возрождения и установления всемирного единства.

Как отмечал сам автор проекта памятника, в произведении сделан упор на синтез методов живописи, скульптуры и архитектуры (Tatlin, 1932). Большое художественное значение в идее памятника имеют свойства монументальности и надежности, а также органичной связи с городским пространством. Опорой зодчего был также и синтез творческого и утилитарного в архитектуре. Н. Н. Пунин отмечает: «Идеологи международного рабочего движения давно искали классического содержания социалистической культуры». В сочетании с попыткой гармонизации формы и содержания автор пытается создать гармоничный образ нового времени для нового человека, свободного от прежних убеждений.

Из истории создания памятника известно, что годом начала работы над «Памятником III Интернационалу» является 1919-й,

когда Отделом изобразительных искусств Народного комиссариата по просвещению В. Е. Татлину было поручено разработать проект (Lapshina, 2015). Позднее создавалось большое количество моделей проекта данного архитектурного сооружения, как самим автором, так и позднее – современными художниками. Первая и вторая модель проекта памятника были представлены в 1920–1921 гг. самим художественным коллективом. Позднее данный проект реализовывался в качестве архитектурных моделей по всему миру (рис. 4–5).

Несмотря на то что проект так и не был воплощен в жизнь, его полноправно считают символом стиля «конструктивизм» и высшей формой сосредоточения его принципов. Среди этих принципов стоит отметить: учет новых требований времени, строгость геометрических форм, прочность и долговечность выбранных для строительства материалов, монументальность, линейность, грандиозность, масштабность, упор на утилитарную функцию здания, опора на новую социалистическую идеологию, синтез методов разных видов искусства, эгоцентричность и социоцентричность произведения, попытка гармонизации содержания и формы произведения, футуристические мотивы в проекте памятника.

Произведение архитектуры «Памятник III Интернационалу» (проект) своей целью имеет создание нового символа социалистических идеалов начала XX века, гармонично объединяющего в себе как научно-технические достижения, так и новые художественные принципы, объединяющие виды искусства. Это образ-символ наступившего строя нового времени, отличающегося четкостью, фундаментальностью и прозрачностью политики в разных сферах человеческой деятельности. «Памятник III Интернационалу» является визуализацией устойчивого и ясного, соответствующего объективным научным законам устройства нового общества, а также устремленности этого социума в будущее. Одной из существенных черт воплощаемого проектом нового общества является его нахождение на самой грани возможностей

Рис 4. Первая модель «Памятника III Интернационалу» созданная В.Е. Татлиным, И.А. Меерзоном, М.П. Виноградовым и Т.М. Шапиро

Fig. 4. The first model of the "Monument to the III International" created by V.E. Tatlin, I.A. Meerzon, M.P. Vinogradov and T.M. Shapiro
(Фото / Photo: <https://un-sci.com/ru/2021/06/18/bashnya-tatlina/>)

и открытий: собственно, именно то, что реализация проекта требовала технологий, которые еще не созданы, и не позволило воплотить его в жизнь. Таким образом, непреднамеренно «Памятник III Интернационалу» стал средством выражения также и утопичности нового мира, сооружаемого Октябрьской революцией.

Заключение

Изменения в советском зодчестве с 1917 по 1922 г. – зодчестве новой страны, в основном остались в форме «бумажной архитектуры», т.е. в виде разработанных, но не реализованных проектов. Тем не менее нельзя назвать эти усилия советских

Рис. 5. Модель «Памятника III Интернационалу», 2011, Королевская Академия, Лондон

Fig. 5. Model of the "Monument III Internationale", 2011, Royal Academy, London
(Фото / Photo: <https://smarthistory.org/tatlin-tower/>)

архитекторов потраченными впустую: проекты первой пятилетки Советской России оказали предельно существенное влияние на передовую советскую архитектуру 1920-х – начала 1930-х гг. Наблюдаемая во время лидерства архитектурного авангарда трансформация архитектурных стилей – итог работы мастеров, создавших в начале 1920-х гг. творческие объединения, ведущими среди которых признаны АСНОВА и ОСА, рационалисты (лидер – Н. А. Ладовский) и конструктивисты (лидеры – братья Веснины). При этом конструктивизм можно назвать репрезентантом поисков новой архитектуры, ведь это направление оказалось плодотворным как на проекты, так и на их реализацию в сооружениях.

Архитектура первой пятилетки принимает вызовы революционного времени. Одним из таких вызовов становится воплощение обновленного мира и нового образа жизни, соответствующего социалистическим идеям, в принципах организации пространства города. Проекты по переустройству столицы нового государства – «Новая Москва» А.В. Щусева (1918–1923 гг.), «Большая Москва» С.С. Шестакова (1921–1925 гг.) – представляют собой актуальный в историческом контексте подход к формированию генерального плана и видения города-

образца. Еще одним таким вызовом стала необходимость в реорганизации социума, откуда возникла потребность в многофункциональном сооружении, способном объединить разные стороны общественной жизни горожан, ими выступили «дворцы» – Дворцы народов, Дворцы труда, Дворцы рабочих и т.д.

Анализ «Памятника III Интернационалу» В.Е. Татлина в качестве репрезентанта конструктивизма как ведущего направления эпохи трансформаций архитектурных стилей позволил выявить его характерные принципы, воплощенные в проекте. Характеристики конструктивизма, явленные в «Памятнике III Интернационалу», включают в себя: учет новых требований времени, строгость геометрических форм, прочность и долговечность выбранных для строительства материалов, монументальность, линейность, грандиозность, масштабность, упор на утилитарную функцию здания, опору на новую социалистическую идеологию, синтез методов разных видов искусства, эгоцентричность

и социоцентричность произведения, попытку гармонизации содержания и формы произведения, футуристические мотивы в проекте памятника. Исследование показало значимость этого проекта В.Е. Татлина как образа-символа нового строя и общего движения в построении коммунизма. Этот образ-символ отличают такие значимые для облика нового мира черты, как фундаментальность и устойчивость в единстве с динамичностью и постоянным движением. Он являет собой прозрачность устройства всех сфер человеческой деятельности, опору общественного устройства на научное знание и его соответствие объективным и глобальным законам, имеющим вселенский характер. Совместная устремленность этого нового общества в будущее фиксируется массой появляющихся в ходе вращения объемов футуристических обликов здания. А также одной из черт является утопичность этого проекта нового мира, ведь и проект «Памятника» не нашел технологической поддержки для того, чтобы быть построенным, и так и остался на бумаге.

Список литературы / References

Agisheva I.N., Pokka Ye.V. Tvorchestvo arkhitekтора Konstantina Mel'nikova [The work of architect Konstantin Melnikov]. In *Izvestiya Kazanskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta* [Proceedings of the Kazan State University of Architecture and Civil Engineering], 2017, 3 (41), 7–14.

Aleshchenko N.M. *Moskovskij sovet v 1917–1941* [Moscow Soviet in 1917–1941]. Moscow, The science, 1975. 204 p.

Astaf'yeva M.I. *Formirovaniye problematiki teorii i istorii sovetskoy arkhitektury. 1917–1954 gg. (Opyt istoriograficheskogo issledovaniya)* [Formation of the problems of the theory and history of Soviet architecture. 1917–1954 (Experience of historiographic research)], 18.00.01: avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni doktora arkhitektury. Moskva, 1990. 45 p. EDN ZKBNWD

Avdeeva Yu.N., Degtyarenko K.A., Kolesnik M.A. Architectural Space in the Paintings by Vincent van Gogh [Architectural Space in the Paintings by Vincent van Gogh]. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2020, 13(6), 838–859. DOI 10.17516/1997–1370–0610. EDN EWJKBQ.

Badzgaradze Ye.SH., Kozhina N.V. Sovetskiy konstruktivizm kak revolyutsionnoye iskusstvo XX veka (istoriograficheskiy aspekt) [Soviet Constructivism as Revolutionary Art of XX Century (Historiographical Aspect)]. In *ARTE: Elektronnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal Sibirskogo gosudarstvennogo instituta iskusstv imeni Dmitriya Khvorostovskogo* [ARTE: Electronic Research Journal of the Siberian State Institute of Arts named after Dmitry Khvorostovsky], 2022, 3, 82–87. EDN YHHTOF.

Bunin A.V. *Istoriya gradostroitel'nogo iskusstva* [History of urban planning art]: V. 2. M.: Stroyizdat, 1979. 1–2.

Bykova G.I., Gnatyuk Ye.A., Vinogradova A.A. Vzaimootnosheniye sovetskogo avangarda i sovremennoy arkhitektury [The relationship between the Soviet avant-garde and modern architecture].

In *Sotsial'no-gumanitarnoye obozreniye [Social and Humanitarian Review]*, 2018, 3, 116–119. DOI: 10.24411/2346–8408–2018–10027. EDN: XVMEMX.

Bylinkin N. P., Ikonnikov A. V. et al. *Vseobshchaya istoriya arkhitektury [General History of Architecture]. T. 12, 1. Arkhitektura SSSR [Architecture of the USSR]*. Moscow, 1975. 756 p.

Dimakov D., Lapshina E. Build the Tower of the Time: The Hours of Mankind. In *Quaderni Fiorentini*, 2, Le città dell'Est, Florence, 2005. URL: www.bancadellacultura.it/static/gfl.htm

Galkina M. V. Nerealizovannyye arkhitekturnyye proyekty 1920-kh: znachenie idey konstruktivizma [Unrealized architectural projects of the 1920s: the significance of the ideas of constructivism]. In *Observatoriya kul'tury [Observatory of Culture]*, 2019, 16(1), 50–61. DOI 10.25281/2072–3156–2019–16–1–50–61. EDN RKRFOI.

Gatsunayev K. N. Sotsiokul'turnyye predposylki vozniknoveniya fenomena sovetskogo arkhitekturnogo avangarda [Sociocultural prerequisites for the emergence of the phenomenon of the Soviet architectural avant-garde]. In *Gumanitarnyy vektor [Humanitarian Vector]*, 2018, 13(3), 151–158.

Grigor'eva A. N. Geometriya Lobachevskogo kak simvol revolyucii v pamyatnike III Internatsionala V. E. Tatlina [Lobachevsky's geometry as a symbol of revolution in Tatlin's Tower]. In *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manah Prostranstvo i Vremya [Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time]*, 2019, 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geometriya-lobachevskogo-kak-simvol-revoljutsii-v-pamyatnike-iii-internatsionala-v-e-tatlina>

Il'chenko, M. S. Nezavershennyy projekt kak forma vospriyatiya sovetskogo gradostroitel'stva 1920–1930-kh gg.: opyt sotsialisticheskikh gorodov [An unfinished project as a form of perception of Soviet urban planning in the 1920s-1930s.: the experience of socialist cities]. In *Sibirskiyeh istoricheskoyeh issledovaniya [Siberian Historical Research]*, 2017, 2, 56–79.

Istoriya sovetskoy arkhitektury. 1917–1954 gg. [History of Soviet architecture. 1917–1954] pod red. N. P. Bylinkin, V. N. Kalmykova, A. V. Ryabushin [i dr.]. Moscow, Stroyizdat, 1985. 256 p.

Karpova Yu. Mezhdistsiplinarnaya konferentsiya “Illyuzii, ubityye zhizn'yu”: posmertnaya zhizn' (sovetskogo) konstruktivizma” (Prinstonskiy universitet, 10–12 maya 2013 g) [Interdisciplinary conference “Illusions killed by life”: the posthumous life of (Soviet) constructivism” (Princeton University, May 10–12, 2013)]. In *Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Review]*, 2014, 1(125), 390–398. EDN SGTQL.

Kazus I. A. *Sovetskaya arkhitektura 1920-kh godov: organizatsiya proyektirovaniya [Soviet Architecture of the 1920s: Design Organization]*. Moscow, Litres, 2022. 486 p.

Komskiy M. Istoki i dostizheniya russkogo avangarda v zhivopisi i arkhitekture 1910–1930-kh godov. Arkhitektura (chast' 1) [The origins and achievements of the Russian avant-garde in painting and architecture of the 1910–1930s. Architecture (part 1)]. In *Arkhitektura. Stroitel'stvo. Dizayn [Architecture. Construction. Design]*, 2019, 1–2 (94–95), 102–111. EDN CCOHKV.

Koptseva N. P. Regional'nyye iskusstvovedcheskiye issledovaniya v sovremennoy Rossii (vstupitel'naya stat'ya) [Regional art studies in modern Russia (introductory article)]. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2022, 15(1), 4–8. DOI 10.17516/1997–1370–0872. EDN EDQPD.

Koptseva N. P., Degtyarenko K. A., Menzhurenko YU. N., Pchelkina D. S. Periodicheskiye izdaniya Rossiyskoy imperii nach. XIX v. kak istochnik po istorii sibirskogo iskusstva [Periodicals of the Russian Empire early. 19th century as a source on the history of Siberian art]. In *Bylyye gody*, 2022, 17(4), 1693–1703. DOI 10.13187/bg.2022.4.1693. EDN OSWHXE.

Koptseva N. P., Sitnikova A. A. The Historical Basis for the Understanding of a State in Modern Russia: A Case Study Based on Analysis of Components in the Concept of a State, Established Between the Fifteenth and Sixteenth Centuries. In *International Journal for the Semiotics of Law*, 2022, 32(1), 47–74. DOI 10.1007/s11196–018–9564-y. EDN MLZION.

Korna L. L. Arkhitektura i utopiya: Upushchennaya vstrecha [Architecture and Utopia: A Missed Encounter]. In *Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Review]*, 2013, 3(121), 73–81. EDN ROXRFD.

Kovtun E. V. *Russkij avangard 1920–1930-h godov [Russian avant-garde 1920–1930s]*. Saint Petersburg, Avrora, 1996. 288 p.

Lapshina E. G. *Dinamo-forma bashni Tatlina i ee rol' v sovremennoj dinamicheskoy arhitekture [Dynamo-form of the Tatlin Tower and its role in modern dynamic architecture]*. In Penza: Penzenskij gosudarstvennyj universitet arhitektury i stroitel'stva, 2015. 60 p.

Lapshina Ye. G. Vladimir Tatlin: vektor razvitiya russkogo avangarda [Vladimir Tatlin: the vector of development of the Russian avant-garde]. In *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo [Academia. Architecture and construction]*, 2010, 4, 43–46. EDN ONZBPV.

Lavrent'ev A. N. *Istoriya dizajna: ucheb. posobie [The history of design: a training manual]*. Moscow, Gardariki, 2007. 303 p.

Lefebvre H. *The production of space*. Oxford: Basil Blackwell, 1991. 454 p.

Lemytskaya D. E. Soviet Architecture in Provincial Towns as a Means of Humanization of Residential Environment (Based on Chernogorsk Town in the Years 1920–1960). In *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2012, 5(5), 662–673.

Leshchinskaya N. M. Kul'turologicheskiye podkhody k analizu proizvedeniy dekorativno-prikladnogo iskusstva [Culturological approaches to the analysis of works of decorative and applied art]. In *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2021, 5(2), 9–15. DOI 10.31806/2542–1158–2021–5–2–9–15. EDN IAPWIN.

Leshchinskaya N. M., Sitnikova, A. A. Sertakova, Ye. A., Koptseva, N. P. Zhurnal “Zodchiy” kak istochnik po istorii russkogo moderna kontsa XIX- nachala XX vekov [Journal “Zodchiy” as a source on the history of Russian modernism of the late XIX – early XX centuries]. In *Bylyye gody*, 2022, 17(3), 1237–1249. DOI 10.13187/bg.2022.3.1237. EDN BNRZCL.

Mulenok V. V. *Istoriya sovetskoy arhitektury [History of Soviet architecture]*. Tomsk: Tomskiy gosudarstvennyy arhitekturno-stroitel'nyy universitet, 2021, 112 p. EDN CZVKYU.

Muleyev Ye. YU. Arkhitektura i sotsiologiya v SSSR: opyt vzaimodeystviya [Architecture and sociology in the USSR: experience of interaction]. In *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological research]*, 2014, 12(368), 111–120. EDN TFQPEF.

Novaya art-kritika na beregakh Yeniseya [New art criticism on the banks of the Yenisei] N. P. Koptseva, A. V. Bralkova, A. A. Gerasimova i dr. Krasnoyarsk: Sibirskiy federal'nyy universitet, 2015. 340 p. ISBN 978–5–7638–2537–4. EDN VIQKIB.

Orel'skaya O. V. Proobrazy budushchikh sooruzheniy v avangardnykh proyektakh 1920–1930-kh godov [Prototypes of future structures in avant-garde projects of the 1920–1930s]. In *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo [Academia. Architecture and construction]*, 2016, 2, 41–51.

Pilyugajceva Y. I. *Arhitekturnye idei sovetskogo avangarda [Architectural ideas of the Soviet avant-garde]*. Blagoveshchensk: Amurskij gosudarstvennyj universitet, 2018, 45–47. EDN VLLIIA.

Punin N. N. *Pamyatnik III Internatsionala: Proekt hud. V. E. Tatlina [Monument to the III International: Project art. V. E. Tatlin]*. Peterburg: Izdanie Otdela izobrazitel'nyh iskusstv N. K. P., 1920. 5 p, il.

Rekun T. A. Osobennosti arhitektury Rossii v dovoyenny period (20–30-ye gody xx-go veka) [Features of architecture of Russia in the pre-war period (20–30-ies of the xx-th century)]. In *Mezhdunarodnyy studencheskiy nauchnyy vestnik [International Student Scientific Bulletin]*, 2017, 6. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=17888>

Samogorov V., Pastushenko, V., Isakov A., Tokmeninova L. *Fabrika-kukhnya. Narpit (Maksimova Ye.) [Factory-kitchen. Narpit (Maximova E.)]*. Yekaterinburg, 2012. 36 p.

Semenova A. A., Soshenko M. V. Image of Siberia in Artist Aleskander Surikovs Works. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2011, 4(12), 1743–1766. EDN OKHXIH.

Shchusev A. V. *O plane «Novaya Moskva» [On the plan «New Moscow»]*. Moscow, The True, 1923. 4 p.

Shpak A. A. Slozhnyye etnicheskiye identichnosti: izucheniye fenomena v sovremennom gumaniarnom znanii [Complex ethnic identities: the study of the phenomenon in modern humanitarian knowledge]. In *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2022, 6(1), 10–16. DOI 10.31806/2542–1158–2022–6–1–10–16. EDN SQNJYN.

Sitnikova A. A. Retsenziya na knigu “Krasnoyarskiy arkhitektor Leonid Chernyshev” [Review of the book “Krasnoyarsk architect Leonid Chernyshev”]. In *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2000, 4(1), 95–100. DOI 10.31806/2542–1158–2020–4–1–95–100. EDN MLY-DKA.

Sitnikova A. A. Severnyye ekspeditsii i obraz Arktiki v zarubezhnoy zhivopisi XIX veka [Northern Expeditions and the Image of the Arctic in Foreign Painting of the 19th Century]. In *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2022, 6(1), 240–249. DOI 10.31806/2542–1158–2022–6–1–240–249. EDN KEPVYT.

Sitnikova A. A., Li S. Obraz Kitaya v tvorchestve krasnoyarskogo khudozhnika Sergeya Forostovskogo [The image of China in the work of the Krasnoyarsk artist Sergei Forostovsky]. In *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2022, 6(4), 87–98. DOI 10.31806/2542–1158–2022–6–4–87–98. EDN OOXNN.

Skhejen SH. *Avangardisty: Russkaya revolyuciya v iskusstve. 1917–1935 [Avant-gardists. Russian Revolution in Art 1917–1935]* per. s niderl. E. Asoyan. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attiku, 2019. 512 p.

Strigalyova A., Hartena, Y. *Vladimir Tatlin. Retrospektiva: katalog vystavki [Vladimir Tatlin. Retrospective: exhibition catalog]*. Köln, DuMont, 1993. 416 p.

Tatlin V. E. *Iskusstvo v tekhniku [Art into Technology]*. Moscow, Team of artists, 1932, 6.

Zhdanov Ye. S. *Kontseptsii sovetskogo avangarda i ikh vliyaniye na sovremennuyu arkhitekturu XX – nachala XXI vekov [Concepts of the Soviet avant-garde and their influence on modern architecture of the 20th – early 21st centuries]*, 05.23.20: avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata arkhitektury. Nizhniy Novgorod, 2017. 24 p.

Zhukovskiy V. I., Koptseva, N. P. *Propozitsii teorii izobrazitel'nogo iskusstva [Propositions of the theory of fine arts]*. Krasnoyarsk, 2004. 266 p.